

почного постижения мира, ценностного к нему отношения; эмоции — исходная клеточка ценностного сознания; в гносеологическом плане эмоции — сырой материал психической жизни для ценностных оценок; эмоции — обязательный аспект устной речи: через интонацию можно определить отношение человека к происходящим событиям; эмоции также выражаются в междометиях и частицах, в эмоциональной лексике и речевых оборотах; даже в научный текст проникает эмоциональное начало; познавательным содержанием эмоциональных состояний выступают эмоциональные оценки; эмоциональные оценки не только дают начало рационально выраженному оценочному знанию, но и сопровождают предметное знание, выполняя функцию субъективного критерия истинности знания [7, 66—67].

О переживании как основной категории новой философии писал М. Мерло-Понти. По его мнению, в отличие от классической философии, познающей главным образом объективный мир, новая философия-психология должна изучать переживания человека. Человеческое тело — инструмент для переживания, единство сущности и существования. Главное место в своем исследовании М. Мерло-Понти отводил поиску смысла, воспринимаемого человеческим телом.

1. Буркхардт Г. Непонятая чувственность. набросок антропологии чувственности // Это человек: Антология. М.: Высш. шк., 1995.

2. Мясникова Л. А. Чувственность и духовность // Жизненные миры философии. Екатеринбург, 1999.

3. Франк С. Л. Предмет знания. Душа человека. Мн.: Харвест; М.: АСТ, 2000.

4. Юркевич П. Д. Философские произведения. М.: Правда, 1990.

5. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб., 1999.

6. Мирошников Ю. И. Познавательная сущность эмоциональных состояний: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Свердловск, 1975.

7. Мирошников Ю. И. Эмотивизм как философский принцип // Мироззрение и культура. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2002.

О. В. Тарасов
г. Стерлитамак

О МЕТАФИЗИЧЕСКОМ И ДИАЛЕКТИЧЕСКОМ СПОСОБАХ СООТНЕСЕНИЯ МЕТАФОРЫ И НАУКИ

Если отождествить метафизику с абсолютизацией каких-либо ценностных установок, а диалектику — с их релятивизацией, то получается следующее. Метафизический способ или метод в этом

случае распадается на два, так как безусловным статусом обычно наделяется что-то «одно из двух» — добро или зло, бытие или ничто, истина или ложь и т. д. Диалектический же способ остается «в единственном числе», поскольку релятивизируются обе противоположные крайности, которые, взаимно ослабляя и обуславливая друг друга, сливаются в «единство противоположностей». Таким образом, фактически мы имеем дело уже с тремя философскими способами соотнесения метафоры и науки, два из которых (традиционный и нетрадиционный) являются метафизическими, а один — диалектическим (или синтетическим, компромиссным, средним). Рассмотрим их по порядку.

Относительно первого из двух метафизических способов, так называемого традиционного, следует отметить, что он не обладает принципиальными возможностями для органичного соотнесения метафоры и науки (равно искусства и понятия) друг с другом. Дело в том, что данный способ, в целом характеризующийся как объективистский и рационалистический, совершенно по-разному трактует метафору (вместе со стоящим за ней искусством) и научную деятельность (вместе с представляющим ее понятием). Что касается метафоры, то в лучшем случае она расценивается здесь как недостаточное или «ослабленное» объективно-рациональное образование, как бы «испорченное» в большей («дерзкая» метафора) или меньшей («правильная» метафора) степени «примесью» иррациональности и индивидуально-субъективной случайности. Наука же, чей видимый «отражательно-объективистский» аспект абсолютизируется и возводится в ранг философии как «высшей» и «подлинной» науки, напротив, понимается (пусть косвенно, через указанный гипертрофированный аспект) как объективно-рациональное предприятие в самой полной мере. Соответственно, метафора (равно искусство) наделяется ролью условного средства освоения действительности, способного легко порождать проблемы (недоразумения, иллюзии и обман), тогда как наука (и понятие) наделяется наивысшей мировоззренческой значимостью безусловного средства, надежно обеспечивающего нашу жизнь беспроблемностью (истиной, единством и порядком). Очевидно, что, поскольку мировоззренческие роли метафоры и науки оказываются столь различными, соотнести их друг с другом каким-то ясным органичным образом не представляется возможным. Это положение едва ли существенно исправляется тем, что классические представители традиционной парадигмы (Аристотель) не проводят коренного различия между художественно-метафорическим и научно-понятийным, предпочитая видеть в метафоре в общем-то родственный на-

учному понятию феномен, пусть и несколько «ослабленный» по сравнению с ним [1, 117; 2, 131, 143, 146]. Ведь даже для такой «смягченной» позиции свойственно только «одностороннее» увязывание метафоры и науки, которое можно выразить следующей «формулой»: метафора научна, наука неметафорична.

Анализируя второй так называемый нетрадиционный метафизический способ, приходишь к убеждению, что он, в принципе, также не способен осуществить действенную органическую связь метафоры с научной деятельностью. Это обусловлено тем, что нетрадиционная парадигма, построенная на радикальной «переоценке всех ценностей» и выступающая поэтому как иррационалистическая и субъективно-плюралистическая, вновь совершенно по-разному, хотя и диаметрально противоположным образом, с точностью до наоборот, толкует и оценивает метафору (вместе с искусством) и науку (вкупе с понятием). О метафоре здесь утверждается, что она является полностью субъективно-произвольным и иррациональным образованием, равно как и художественное творчество, чей зримый «индивидуально-созидательный» аспект гипертрофируется и наделяется статусом философии как «высшего» и «абсолютного» искусства. Наука же (вместе с понятием) понимается как «деградировавший» и «чувственно обессилевший» остаточновторичный результат изначального стихийно-безрассудного метафоротворческого процесса, как бы «испорченный» солидной «примесью» рациональности и объективно-всеобщей необходимости. Соответственно, теперь уже метафоре и искусству придается безусловная мировоззренческая значимость, то есть несомненная способность даровать нам некую счастливую беспроблемность (мимолетность, непредсказуемость, неповторимость), науке же (и понятию) достается, так сказать, довольно жалкая роль второго плана — быть средством лишь условного отношения к действительности, навязывающим нам некое неподлинное проблематичное существование (скуку, массовость и застой). Как видим, бывшее в проигрыше очутилось в выигрыше, бывшее в достатке стало прозябать в убытке. Но так как после такого полного переворачивания мировоззренческие роли метафоры (искусства) и науки (понятия) вновь оказались совершенно различными, говорить о том, что нетрадиционный метод или подход дает реальную перспективу соотносить их каким-то гармоничным образом, опять не приходится. И снова, по-видимому, необходимо признать, что эта ситуация вряд ли может быть кардинально изменена тем, что наиболее последовательные мыслители-нетрадиционалисты (Ницше) не разделяют резкой непроницаемой границей метафору и художественное твор-

чество, с одной стороны, и научную деятельность вместе с понятием — с другой, истолковывая понятие науки как хотя и «обессиленный остаток» метафоротворчества, но все-таки не чуждый этому последнему феномену [3, 56—57]. Ведь опять же и для такого рода «смягченной» позиции характерно только «однаправленное» связывание метафоры и науки, которое кратко формулируется следующим образом: наука метафорична, метафора ненаучна.

Наконец, относительно третьего и последнего из выделенных философско-мировоззренческих способов, диалектического (или компромиссного, срединного, синтетического), необходимо признать, что только он один способен наиболее последовательно и органически прочно соотнести и согласовать метафору с научно-исследовательской деятельностью (точно так же, как художественное творчество с понятием).

Это связано прежде всего с тем, что именно данный философский метод, как стремящийся избегать поспешных и малообоснованных абсолютизаторских притязаний и являющийся поэтому сбалансированным, так сказать, рационально-иррационалистическим и объективно-субъективистским по своей сути, уже не может интерпретировать метафору (искусство) и науку (понятие), ориентируясь на поверхностные, быстрее всего подмечаемые признаки, внешне, действительно, отличающие эти феномены друг от друга, но видит и характеризует тот и другой как одинаково и в полной мере двойственные и противоречивые образования [4, 83, 88—89; 5, 119]. То есть, и метафора (наряду с искусством), и наука (наряду с понятием) понимаются в рамках диалектико-компромиссной парадигмы как имеющие двуединую «отражательно-созидательную» природу, ни один из аспектов которой не доминирует над своим антагонистом постоянно, но время от времени как бы меняется с ним ролями, то выступая на передний план, то отступая в тень, демонстрируя тем самым, что оба они взаимно обуславливают и предполагают друг друга, не имея сил ни поглотить один другого, ни существовать обособленно, в «чистом» виде. Соответственно этому, как метафора (вместе с художественным творчеством), так и научная деятельность (наряду с понятием) наделяются двойственной, противоречивой значимостью средств и безусловного, и условного отношения к действительности. Иначе говоря, они в равной степени способствуют как решению наших проблем (конкретных, а не абстрактных, как в первых двух случаях), обогащая нас все новыми и новыми возможностями, ответами и т. п., так и, увы, обретению («открыванию» и «продуцированию») все более сложных и многочисленных проблем (таких же жизненно-конкретных,

разумеется), обедняя нас новыми и все более многообразными желаниями, потребностями, вопросами и прочим в том же роде.

Таким образом, поскольку лишь для диалектики как сбалансированной релятивистской философии и метафора, и наука являются амбивалентными биполярными образованиями в полной мере, а не так, что какая-либо из «противоборствующих сторон» этих феноменов (рационально-объективная или иррационально-субъективная) либо постоянно преобладает, либо всегда уступает, только для нее метафора и наука (равно искусство и понятие) оказываются сопряженными и увязанными не «однобоко», а взаимно, то есть самым тесным органичным образом. Для емкого обозначения такой взаимосвязи и взаимодействия метафоры и науки, пожалуй, полностью подходит следующее тезисное положение: метафора научна, наука метафорична.

1. Аристотель. Об искусстве поэзии. М.: Гослитиздат, 1957.

2. Аристотель. Риторика // Античные риторики. М., 1978. С. 15–164.

3. Ницше Ф. Об истине и лжи во неморальном смысле // Филос. науки. 1997. № 1. С. 52–63.

4. Уилрайт Ф. Метафора и реальность // Теория метафоры. М., 1990. С. 82–109.

5. Поппер К. Р. Что такое диалектика? // Вopr. философии. 1995. № 1. С. 118–138.

Е. А. Штеле
г. Омск

КОМУ НУЖНА ЛЖЕНАУКА?

Традиционно наука определяется как система знаний о закономерностях развития природы, общества и мышления, а также отдельная отрасль таких знаний. Данное определение можно содержательно дополнить, выделив главные характеристики научного знания, которые могут быть использованы как критерии научности. Во-первых, самой главной характеристикой является *истинность* знания: в конечном счете только истина ценна и может быть полезна. Во-вторых, наука — это *обоснованное* знание, причем обоснованы должны быть все элементы научной концепции как системы. В-третьих, научное знание не должно носить отпечаток характера, субъективных взглядов своего автора — оно *интерсубъективно и объективно*. В-четвертых, критерием является *универсальность* — выход науки на уровень всеобщих закономерностей, объяснение массы фактов исходя из небольшого коли-